

TRANSFORMATION OF TRADITIONAL VALUES IN THE CONDITIONS OF
POST-MODERN AND INITIAL PHASE
POST- POSTMODERN IN SOCIAL PRACTICE

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ
ПОСТМОДЕРНА И НАЧАЛЬНОЙ ФАЗЫ
ПОСТ-ПОСТМОДЕРНА В СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

ტრადიციულ ღირებულებათა ტრანსფორმაცია სოციალურ პრაქტიკაში
პოსტმოდერნის და პოსტ-პოსტმოდერნის საწყისი ფაზის პირობებში

Rustem Zhangozha

Doctor of Political Sciences,

Chief research worker of the Institute of World History

National Academy of Sciences of Ukraine

ORCID:0000-0001-5516-0958

tranzit02@ukr.net

Abstract

The article is devoted to the relationship of the processes of comparative studies in artistic culture with the processes of social practice in the context of globalization and multiculturalism. The problem of multiculturalism was considered in the context of postmodernism, which went beyond the limits of the artistic method and was extrapolated to social practice. Under the influence of these processes, the value system is radically transformed. Analyzing the problem of multiculturalism from the point of view of comparative studies, the author comes to the preliminary conclusion that the intensification of protest social movements “Islamic State”, “Taliban” and others in the Middle East and “right movements”, nationalism and isolationism in Europe represent a spontaneous response to the process of globalization and an attempt to preserve ethno-cultural identity. These same reasons can explain the decline in the influence and attractiveness of liberal-democratic models of social development. In the medium term, we can expect spontaneous turbulent processes in the social and political life of not only developing countries, but also countries with stable socio-political traditions.

Keywords: Globalization, multiculturalism, globalistics informational space, comparativistics, postmodernism, social practice.

Рустем Жангожа

Доктор политических наук,
Главный научный сотрудник Института всемирной истории,
Национальная академия наук Украины
ORCID:0000-0001-5516-0958

tranzit02@ukr.net

Аннотация

Статья посвящена взаимосвязи процессов компаративистики в художественной культуре с процессами социальной практики в условиях глобализации и мультикультурализма. Проблема мультикультурализма рассмотрена в контексте постмодерна, который вышел за пределы художественного метода и экстраполировался в социальную практику. Под влиянием этих процессов кардинально трансформируется система ценностей. Анализируя проблему мультикультурализма под углом зрения компаративистики, автор приходит к предварительному выводу, состоящему в том, что активизация протестных социальных движений «Исламское государство», «Талибан» и другие - на Ближнем Востоке и «правых движений», национализм и изоляционализм - в Европе представляет собой стихийный ответ процессу глобализации и попытке сохранения этнокультурной идентичности. Этими же причинами можно объяснить снижение влияния и привлекательности либерально-демократических моделей социального развития. В среднесрочной перспективе можно ожидать спонтанные турбулентные процессы в социальной и политической жизни не только развивающихся стран, но и стран с некогда устойчивыми социально-политическими традициями.

Ключевые слова: Глобализация, мультикультурализм, информационное пространство глобалистики, компаративистика, постмодернизм, социальная практика

რუსტემ ჟანგოჯა

პოლიტიკურ მეცნიერებათა დოქტორი,
უკრაინის მეცნიერებათა ეროვნული აკადემიის
მსოფლიო ისტორიის ინსტიტუტის
მთავარი მეცნიერ-თანამშრომელი
ORCID:0000-0001-5516-0958

tranzit02@ukr.net

აბსტრაქტი

სტატია ეძღვნება მხატვრულ კულტურაში კომპარატივისტიკის პროცესების კავშირს სოციალური პრაქტიკის პროცესებთან გლობალიზაციისა და მულტიკულტურალიზმის პირობებში. მულტიკულტურალიზმის პრობლემა განიხილება პოსტმოდერნიზმის კონტექსტში, რომელიც გასცდა მხატვრული მეთოდის საზღვრებს და ექსტრაპოლირებულ იქნა სოციალურ პრაქტიკაში. ამ პროცესების გავლენის ქვეშ

ღირებულებითი სისტემა რადიკალურად ტრანსფორმირდება. მულტიკულტურალიზმის პრობლემის გაანალიზებით, ავტორი მიდის იმ დასკვნამდე, რომ საპროტესტო სოციალური მოძრაობები "ისლამური სახელმწიფო", "თალიბანი" და სხვები - ახლო აღმოსავლეთში და "სწორი მოძრაობები", ნაციონალიზმი და იზოლაციონალიზმი - ევროპაში, ეს არის სპონტანური პასუხი გლობალიზაციის პროცესზე და ეთნოკულტურული თვითმყოფადობის შენარჩუნების მცდელობა. ამავე მიზეზებით შეიძლება აიხსნას სოციალური განვითარების ლიბერალურ-დემოკრატიული მოდელების გავლენისა და მიმზიდველობის შემცირება. საშუალოვადიან პერიოდში, სპონტანური მღელვარე პროცესები შეიძლება მოსალოდნელი იყოს არა მხოლოდ განვითარებადი ქვეყნების, არამედ ოდესღაც სტაბილური სოციალურ-პოლიტიკური ტრადიციების მქონე სახელმწიფოების სოციალურ და პოლიტიკურ ცხოვრებაში.

საკვანძო სიტყვები: გლობალიზაცია, მულტიკულტურალიზმი, გლობალისტური ინფორმაციის სივრცე, შედარებითი კვლევები, პოსტმოდერნიზმი, სოციალური პრაქტიკა.

I. Заявленная тема предполагает локализацию определения «проблемного поля», в границах которого предполагается осуществить намеченное исследование в формате «пилотного» исследования.

В первую очередь, необходимо определить, что настоящее исследование затрагивает проблему культурной антропологии – некоего субстанционального основания, внутри которого осуществляется процесс формирования когнитивного поля. В свою очередь, содержанием этого образования выступает структурно-семиотическая конструкция, отражающая его специфику, связанную с особенностью хозяйственно-экономического уклада, его этнокультурные и социально-психологические стереотипы, а также весь многоуровневый комплекс социально-стратификационных признаков, характеризующих архитектуру исследуемого нами объекта. Но и это еще отнюдь не все. Весь этот Органон активно взаимодействует с экосистемой определенной локации, активно на нее реагируя и, одновременно, не менее активно на нее влияя.

К перечисленным признакам и обстоятельствам следует причислить транснациональное информационное поле, неудержимо расширяющее свои масштабы в условиях глобализации мирового пространства и сопровождающее мультикультурные процессы.

Сравнительно-сопоставимый (компаративистский) анализ артефактов и структурно-семантических образований традиционных культур создают определенную, в большей своей части не артикулируемую в рациональных терминах и понятиях, духовную атмосферу, характеризующуюся иррациональными свойствами и характеристиками. Они плохо поддаются оценочным характеристикам и классификации и во многом зависят от способов их интерпретации и субъективных оценок интерпретаторов, в своем большинстве ангажированных доминирующей канонизированной традицией - той или иной аксиологической системой, субъективными приоритетами и предпочтениями.

В сложившейся ситуации все культурные единицы структурно-семиотической системы обретают двойственную природу. С одной стороны, они могут быть интерпретированы, в соответствии с правилами грамматики, для сборки «смыслообразующих пазлов» с целью создания более универсального когнитивного уровня. С другой стороны, – каждая семиотическая единица языка отсылает нас к императивному значению – условной реальности.

Обращает на себя внимание следующий момент, вполне очевидный в жизни, но чрезвычайно существенный для понимания функционирования языка. Когда мы конструируем языковую единицу более высокого таксономического уровня из единиц более низкого уровня, то содержание данной единицы в определенной степени складывается из содержаний аналогичных единиц, составляющих условное целое, *но не сводится к ним посредством линейного исчисления*. Условная совокупность единиц как целое имеет некоторую дополнительную отсылку к реальности, которую мы, либо не замечаем, либо игнорируем как несущественную помеху..

Это - общее правило, в котором имеющиеся исключения, в соответствии с хрестоматийным случаем, его подтверждают.

Рассмотрим простой пример. Взятая произвольно элементарная фраза – это то исключение, когда содержание предложения в точности складывается из содержаний входящих в него слов и их значения. Но в данном случае мы имеем дело не просто (и не только лишь) с сообщением, а с предложением-моделью, которая предназначена для того, чтобы выразить определенный смысл. Вырванное из контекста, это предложение несет в своем содержании чрезвычайно широкую коммуникативную нагрузку и, одновременно, номинальный смысл для аутентичного понимания текста, фрагментом которого оно является.

При этом можно предположить, что та или иная «фраза-пазл», (фрагмент текста) высказана в определенной реальной ситуации. В указанном случае конкретное значение этих семантических единиц, объединенных в семантические кластеры, нельзя интерпретировать, исходя из нормативного смыслового ряда. Оно приобретает дополнительный индивидуальный смысл, связанный с контекстом, выступающим генерирующей смыслообразующей системой, как для автора высказывания, так и для реципиента – в контексте их мировоззренческой установки, основанной на общей системе ценностей - аксеологическом дискурсе.

Тот факт, что высказанный фрагмент «высказывания» несет в своем содержании информационную нагрузку, которую отнюдь не всегда можно почерпнуть в нормативных справочниках, дает возможность рассматривать его в контексте, выходящим за пределы номинального смысла.

II. Частичную реконструкцию этой ситуации можно найти в так называемом «Законе дополненности» физика-нобелянта Нильса Бора. Во время его посещения с лекциями Японии он увидел в окно своего отеля сияющую Фудзияму. Впечатление от образа священной для японцев горы привело Нильса Бора к мысли о том, что фактор горы меняет всю систему восприятия ландшафта окружающей среды, которую он сформулировал и презентовал в натурфилософских терминах как «Закон дополненности».

К слову, на десятилетие ранее подобную мысль высказал испано-французский художник Пабло Пикассо, когда он отметил: «Красная борода моего натурщика изменяет всю цветовую гамму моей студии». Однако эта мысль художника сохранилась в статусе художественной метафоры, уступив приоритетное место и статус научно обоснованному «Закону дополненности» Нильса Бора.

Возвращаясь к заявленной проблеме, следует отметить, что дополнительное значение высказывания состоит в том, что когда «высказывающий» и «слушающий» вложили в этот фрагмент текста свой индивидуальный смысл, основанный на культурно-корпоративном опыте, то они внесли уточнение и в универсальное семиотическое значение слов – пусть порой и на бесконечно малую статистическую величину.

Содержательная база семантической системы накапливает знание по-разному. Во-первых, это происходит в форме системы общепринятых истин, определяющих ту или иную этническую культуру по принципу корпоративности. Имеется в виду не только (и даже не столько) буквальное составление смысловых блоков. Прежде всего, это – выработка смысловых значений слов (и других дополнительных единиц языка – приставок, суффиксов, предлогов, а в устной речи – интонаций), которая происходит постоянно в практической деятельности и общении всех носителей языка в процессе его использования в качестве коммуникатора.

Можно также сказать, что эти значения находятся и в не артикулированном пространстве, содержанием которого выступают невербальные знаковые системы и их семантические единицы-матрицы.

Эти семантические матрицы недостаточно внятно «записаны» в сознании людей – каждый понимает их по-своему. Однако в корпоративно рядоположенном смысле они воспринимаются вполне адекватно. Значения понятий существуют как на персональном, так и на внеличностном уровне – они могут быть реконструированы из совокупности текстов и даже, в какой-то мере, из общей структуры языка.

В дальнейшем знание накапливается в виде текстов – материально существующих в той или иной форме, а также в качестве «смысловых матриц» в головах людей – «сообщений», ими услышанных и прочитанных.

Тезис о том, что содержание языковой единицы более высокого таксономического уровня не равно «сумме» содержаний образующих ее единиц более низкого таксономического уровня, означает, что каждый прочитанный (высказанный, услышанный) текст привносит дополнительную информацию в общее смысловое поле данной корпорации людей – их культуре, принимая участие в формировании устойчивой традиции, присущей ей специфике.

Наконец, необходимо отметить то обстоятельство, что язык несет в своем содержании знание в формате своей семантически-семиотической конструкции – грамматики. Эта грамматика распределяет единицы языка на семантические блоки и пазлы и презентует то, как эти блоки и пазлы соотносятся между собой как части единого семантического целого.

Грамматика естественных языков имеет дело с наиболее глубинными, фундаментальными категориями – места, времени, существования. Когда в последующем речь пойдет об обобщениях понятия языка – о других знаковых системах, мы увидим, что грамматика может нести информацию гораздо более полноценного характера, нежели ее номинальное значение.

III. Что же является неким критерием истины, выступающим своего рода навигатором в поиске понимания и решения проблем, стоящих перед человеком? По утверждению Эрнеста Кассирера: «Отсылка к реальности – это способ упорядочения этой реальности». То есть, размещение ее в некоей системе смысловых координат, сформировавшейся в данной локации -культуре и ее традициях.

Знаменательно при этом, что Кассирер не рассматривает реальность за пределами рациональной данности природы и человека и не затрагивает область коллективного бессознательного с ее социально-психологическими модулями – архетипами коллективного бессознательного и их характеристиками. Возможно, по той причине, что это «проблемное поле» неизбежно принудило бы его к рассмотрению проблемы, расположенной, по выражению Фридриха Ницше, «по ту сторону добра и зла». Что для него было бы

неприемлемым по причине принципиально иного мировоззренческого подхода к осмыслению действительности, в ее проявлении в особенностях психотипов его пациентов.

Но реальный информационный и интеллектуальный продукт производится, в отличие от доисторической культуры человека, которая характеризовалась деперсонифицированным «Я». Неким коллективным автором, который озвучивает своими «высказываниями» социально-значимую идею, накладывая на нее свои специфические особенности.

IV. Начальная фаза XXI века характеризуется рождением новых форм авторского текста (блоги, живые журналы, соцсети, мессенджеры), а значит – формированием новых условий и видов взаимоотношений между автором и читателем. Эти процессы оказали сильное влияние на книжную культуру. Вернее, на ее носителей – электронных и бумажных.

Сегодня стало общим правилом отмечать, что ранее, на протяжении тысячелетий, книжная культура всего цивилизованного мира, пристрастие к чтению, выступали безусловным критерием уровня культурного и технологического развития государства и свидетельствовало об интеллектуальном потенциале населения страны. Книга относилась к явлению и артефакту культуры и цивилизации и, одновременно, к категории вневременных ценностей, не знающих старения.

В самом общем виде, культурный феномен – книга – отражает время, формирует представление об эпохе. История свидетельствует, что с распространением книжной культуры и приобщением к чтению разных социальных слоев населения книга становилась символом социального и культурного статуса. Пристрастие к чтению рассматривалась в качестве устойчивого символа образованности. Роль и высокий статус автора сакрализировывалась до уровня древнеегипетского жреца, тибетского гуру или Верховного шамана в Центральноазиатском этнокультурном ареале. Однако, уже с начала XX века, статус автора неизменно понижается, давая основание для утверждения о «смерти автора».

Что же касается традиционных культур, то они, гораздо в большей мере, нежели устойчивые авторские историко-культурные рефлексии и артефакты (архитектура, классическая музыка, изобразительное искусство), подвержены турбулентности и агрессивному влиянию культурной среды, сформировавшейся в системе мировой цивилизации как референтная ценность. Более того, поскольку они не защищены авторским правом, то подвержены любому внешнему воздействию, наносящему им существенные деформации и трансформации.

IV. С другой стороны, когда человек пытается понять процессы, происходящие в современной ему культуре и свое место в ней, то неизбежно сталкивается с постмодернистскими подходами, захватившими все культурное пространство второй половины XX столетия. Авторы художественно-мировоззренческого направления «постмодерн» выступили с манифестом о том, что в начале XX века классический тип мышления «Эпохи модерна» меняется на неклассический, а в конце века – на постнеклассический. Для обозначения специфики новой эпохи, которая кардинально отличалась от предшествующей, требуется новая система исчисления с новым понятийным и терминологическим аппаратом.

Считается, что возникновение термина «постмодерн» относится к 1960-1970-м годам XX столетия как эволюция и логичный результат, вытекающий из процессов предшествующей эпохи модерна.

В 70-е гг. XX в. состояние науки, культуры и общества было охарактеризовано французским культурологом Жана Франсуа Лиотаром как «состояние постмодерна». Термин «постмодернизм» возник как антитеза моде рнизму, понятному только лишь представителям интеллектуальных элит.

Рассматривая различные во времени и пространстве объекты, входящие в поле зрения и художественную концепцию автора, как рядоположенные и равнозначные, постмодернизм нивелирует дистанцию между массовым и пулом элитарных потребителей.

В настоящем очерке мы не будем иллюстрировать и исследовать факты трансформации и семантических изменений подобного рода и анализировать их, поскольку формат «дискуссионной площадки» – нашей статьи – этого не позволяет. Здесь мы тезисно рассмотрим постмодерн в качестве эпистемологического дискурса как стратегического вектора развития мировой культуры в контексте меняющегося глобализационного пространства.

Если рассматривать постмодернизм исключительно в формате художественного творчества, то можно отметить целый ряд интереснейших явлений. К числу художественных произведений, созданных в формате постмодерна, относятся интереснейшие направления латиноамериканской литературы, которое литературные критики определили как магический реализм, а также неореализм нигерийской литературы конца XX столетия и т.д. Если же рассматривать постмодерн в формате общественной практики, то необходимо признать, что постмодерн привнес целый ряд трудноразрешимых социокультурных проблем.

V. Вторая половина XX ст. характеризуется серьезным эпистемологическим кризисом доктрины конструктивизма как основы постмодернизма. Рискнем отметить, что этот процесс в зачаточном формате был отмечен произведениями чешского писателя Франца Кафки и повестью Мэри Шелли «Доктор Франкенштейн» в начале XX в. В этих произведениях авторами было показано фатально алармическое бессилие человека перед неизъяснимой магией и силой внешнего воздействия на его психику.

Десятилетиями позже, с появлением исследований нового социально-художественного и социально-исторического явления, каковым выступил постмодернизм, исследователи попытались рассмотреть это явление в рациональных категориях и терминах. Как отмечает российский историк и культуролог О. Ю. Цендровский «содержание оформившегося постмодернистского мировоззрения является по преимуществу критическим и негативным, оно не столько создает «новое знание», сколько сеет сомнения в правомочности старого знания».

И это неизбежно, поскольку постмодерн берет начало в ситуации эпистемологического кризиса и осознания провала проекта Просвещения и последующих культурологических дискурсов.

Исследователи-постструктуралисты, чья философия стала одновременно базой и выражением постмодернистского мировоззрения, постулируют невозможность объективного познания и отсутствие универсальных критериев достоверности. Ими устанавливается «принцип «методологического сомнения» по отношению ко всем позитивным истинам, установкам и убеждениям. Легитимность идеалов модерна, его авторитеты и идеалы обличаются в их внутренней иррациональности, беспочвенности и разрушительности.

Прогресс, истина, смысл, порядок, справедливое общество, вся западная «логоцентрическая традиция», по определению Жака Деррида, объявляется совокупностью идеологем и мифов».

В постмодернистской картине мира, конструктивистской, с точки зрения теории познания, знак (в том числе вербальный, то есть понятие и текст как система знаков) «лишается референциальной функции отражения действительности, что является принципиально невозможным».

VI. Что же в таком случае остается? Только другие знаки и другие тексты...

Таким образом, подлинным содержанием любого дискурса являются только другие дискурсы. Говоря иначе, понятие состоит из понятий, знак – из знаков, текст из текстов, никакой связи с реальностью они не имеют. Весь мир, в том числе мы сами, наше представление о себе, являемся лишь текстом, сложными семиотическими системами. Классическое определение этой ситуации дано французским семиотиком Ж. Деррида: «Вне текста не существует ничего, культура, история, личность – все имеет текстуальную природу».

При этом необходимо отметить, что важнейшей чертой традиционного и индустриального обществ было доминирование в них идеологий, объединявших людей и задающих им перспективные цели. Это была эпоха «больших проектов» и описывающих их универсальных языков (метанарративов). Например, метанарратив древнегреческой или китайской философии, аврамического религиозно-философского дискурса, новоевропейского рационализма и идеи Просвещения в ее историческом развертывании.

Сегодняшнее общество является свидетелем и, одновременно, объектом раздробления, расщепления великих историй и появления множества более простых, мелких, локальных ситуаций. Переосмысление концепций прошлого с их десакрализацией политических мифов и новых возможностей познания привело к тому, что недоверие к мета-рассказам как подавляющим мышление и легитимизирующим власть вошло в плоть новой картины мира. Словом, речь идет о демонтаже и крахе «больших проектов. В том числе, социальных, каковыми были кантовский глобальный либерализм, а затем анти-гуманистические концепции национал-социализма и коммунизма большевистского формата.

«Смерть» Бога, которую последовательно пытаются осуществить воинствующие атеисты всех этнокультурных сообществ на протяжении не одного столетия, дополняется в постмодернизме осознанием того, что коль скоро мир есть текст, равно и как человек есть текст, то не может быть никакой речи о человеческой свободе в ее традиционно метафизическом понимании. Наши действия определены текстуальным, культурным составом нашего «Я».

Мы, современные люди, представляем собой суммы унаследованных моделей поведения и способов восприятия реальности. Не в меньшей мере это касается и автора, который творит не от себя, не только лишь из своей субъективности, а от имени всей масштабной и уходящей в глубины веков, совокупности текстов.

Таким образом, постмодернизм не только низвел религиозные концепции и канонические повествования о Боге (Абсолютном духе) до специфических текстов, ориентированных на безусловную зависимость и контроль в ограниченном социо- и историко-культурном пространстве, но и «выдвинул концепцию невозможности существования автономного, суверенного индивида, а также переосмыслил творчество как скрытое цитирование и новую комбинацию написанного прежде «текста».

VII. Что же касается альтернативной характеристики постмодернистской философской модели, то большинство исследователей отмечают в философии постмодернизма ее сближение с художественной практикой – искусством. Философская мысль, под таким углом зрения, оказывается в состоянии беспорядочного взаимодействия подходов,

типов рефлексий, каковыми они выступают в художественной практике конца XX века. Это состояние ведет к распаду аксиологической системы как некоей системы координат.

Постмодернистская философия с её отрицанием любого тотального дискурса и признанием относительности любых ценностей становится основой принципиально новой фазы в развитии мировоззрения - мультикультурализма. Это обстоятельство, если следовать его логике, свидетельствует о признании иллюзорности представлений о неограниченных возможностях науки. А это, в свою очередь, свидетельствует о неполноте (а значит и неистинности, не легитимности) любого дискурса. В том числе и научного. А также – о легитимизации роли неявного (эзотерического) знания. Равно как и об относительности и принципиальной неустранимости субъекта из результатов научного познания.

Положительным аспектом постмодернизма выступает принципиальная открытость к диалогу, что способствует возникновению новых научных направлений, объединяющих ранее несовместимые области знания.

Признание конвенционального характера критериев, норм, принципов и ценностей, отрицание априорных установок обеспечивает предельную открытость постмодернистского подхода к пониманию мира, готовность к паритетному диалогу с иными культурами – древними и современными.

Что касается негативной стороны постмодернистского подхода, то он состоит в том, что декларируя «новую философию», отрицающую достоверность и объективность суждений о внутреннем и внешнем мире, такие понятия, как «истина», «справедливость» и прочее, утрачивают своё значение в качестве устойчивых, априорных ценностей.

По причине смысловой лабильности имеются основания определить постмодернизм как неупорядоченный, эклектичный философский дискурс со всеми признаками антирациональности. С одной стороны, постмодернизм утверждает об объективном существовании так называемых «вечных ценностей», которые препятствуют творческой реализации как эксклюзивной акции индивида.

С другой стороны – отрицательно относится к процессу девальвации «вечных ценностей», утверждая, что утрата ценностных значений происходит в результате драматического разрыва между явлением и его обозначением с последующей интерпретацией.

Французский социолог Жан Бодрийяр выделяет следующие признаки процессов отчуждения в смысловой сфере общества:

- 1) формирование (в том числе посредством СМИ) виртуальной реальности, почти независимой от подлинной реальности и произвольно конструирующей смысл тех или иных событий;
- 2) отрыв означаемого от означающего;
- 3) девальвация ценностей и норм;
- 4) неуправляемость и катастрофичность последствий научно-технического прогресса для человека.

При этом стоит отметить, что критики апокалиптического подхода находят концепцию Жана Бодрийяра ненаучной, поскольку она, по их мнению, строится на художественных метафорах.

Антагонистом концепции Жана Бодрийяра выступает его земляк, и современник – «политический философ» Мишель Фуко. Критикуя тотальные дискурсы всех сфер жизни, Фуко выдвигает концепцию «заботы о себе» или «самоспасения» как концепцию самореализации человека в условиях тотального диктата и отчуждения.

Мишель Фуко полагает, что тотальность «вечных ценностей» и инкорпорация их в отнюдь не всегда осознаваемых системах знания, задающих «параметры», «поле возможностей» восприятия окружающего человека эмпирического мира и отчуждающих человека от подлинного мира, не должна служить оправданием покорности человека чуждым ему силам, «переход на сторону объекта», в терминах Жана Бодрийера, а также оправданием «тотальной деконструкции» этих ценностей.

VIII. Переходя к анализу социально-политических явлений эпохи постмодернизма, отметим, что пилотный, сравнительно-сопоставительный анализ этих процессов дает основание рассматривать их с помощью и по аналогии с методологией, выработанной в области художественной культуры.

Если обращаться к социальной практике, то противостояния или же синтез художественных концепций, о которых пишут и говорят культурологи, литературные критики и искусствоведы, в сравнении с драматизмом социальных отношений покажутся, по образному выражению Германа Гессе, «игрой в бисер» и «фельетонной эпохой».

Социальные потрясения, связанные со всё увеличивающимися процессами глобализации и сопровождающими ее беспрецедентно расширившимся информационным пространством и усиливающимися год от года миграционными волнами, породили мощные турбулентные потоки, рассмотрение и осмысление которых в дискурсе постмодерна находится пока еще в эмбриональном состоянии. Чтобы понять происходящие перемены с целью воздействия на них, необходимо дистанцироваться от привычного понимания самого общества и общественных явлений с их категориальным и терминологическим инструментарием и аксиологией.

Не претендуя на широкий охват проблемы, ограничимся анализом ситуации либерально-демократического устройства западного общества, которое сегодня охвачено кризисом.

До последних десятилетий минувшего (XX-го) века либерально-демократическая модель устройства общества приводила политических и экономических экспертов в восторг. Прежде всего, говорилось о скандинавских странах как об эталонной и референтной группе, построившей социализм с «человеческим лицом» – социально и политически бесконфликтное и материально благополучное общество.

Однако в условиях лавинообразно усилившихся процессов глобализации и мультикультурализма успешное государство привлекает к себе множество трудовых мигрантов и беженцев. И чем успешнее страна, тем она становится привлекательней для мигрантов. Тем более, что материальное пособие для физического проживания безработных мигрантов многократно превышает заработки на их этнической родине.

Это обстоятельство, по многочисленным оценкам политических и экономических экспертов, способствует маргинализации мигрантов и неизбежному снижению объемов национальных экономик принимающих стран. Показательно при этом, что в последние годы политика социальной помощи начинает приводить к подобной же маргинализации представителей автохтонных национальностей этих стран.

Однако проблемы мультикультурного сосуществования различных этнокультурных групп не ограничиваются только лишь социально-экономическими проблемами.

Еще в большей мере эти проблемы сказываются на низком уровне совместимости автохтонных и мигрантских культур и персональных этнопсихологических поведенческих стереотипов.

Художественная литература как наиболее тонко чувствующая область восприятия действительности или, по определению Гегеля, «опережающее сознание общества»,

оперативно отреагировала на эти процессы. Так, наиболее читаемый французский прозаик Мишель Уэльбек выступил автором серии книг, посвященных межэтническим контактам французов со все расширяющимся контингентом выходцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, – романов в жанре антиутопии «Покорность», «Мир как супермаркет» и др. В этот же ряд можно поставить антиутопический роман российской писательницы Елены Чудиновой с говорящим, провокативным названием «Мечеть парижской богоматери».

Перечисленные факты демонстрируют «поверхностный слой» проблемы мультикультурализма как существенной составляющей глобализационного процесса. Представляется очевидным, что эти процессы приобрели статус необратимости и их конструктивное решение лежит в плоскости более тщательной, не ангажированной традиционными методами, макро- и микроанализа как начальной фазы мировоззрения нового транс-национального мышления, соответствующего изменившемуся миру. Альтернативы подобного подхода не существует.

В ином случае террористы из квази-религиозного анти-глобализационного движения и неведомо откуда появляющихся время от времени иных квази-религиозных групп по типу ИГИЛ будут расширять свое идеологическое влияние.

А на пороге нового мира уже появляются явления с признаками пост-постмодернизма – цифровые технологии и виртуальные деривативы – биткоины – электронные платежные средства, содержащие условные финансовые обязательства, количество которых не поддается фиксированной оценке и которые не имеют юридических адресов.

В возникшей ситуации безвременья и мировоззренческой лакуны симптоматичными представляются ностальгические призывы возродить сакрализованный авторитарический режим Иосифа Сталина, французского президента – генерала Шарля де Голля, китайского коммунистического лидера Ден Сяопина и президента Сингапура Ли Куан Ю, превратившего отсталую в недавнем прошлом страну в финансовый хаб. Все они осуществили в своих странах позитивные экономические реформы. При этом мало кто обращает внимание на то, что авторитаризм существенно снижает демократию, права и свободы личности и иные гуманистические ценности. Более того, сегодня наметилась тенденция возрождения правых изоляционистских партий и движений. В первую очередь, в постсоциалистических странах, где авторитаризм после двух-трех десятилетий выхода из социалистического лагеря испытывает реинкарнацию.